

№ 1

41°

ЦѢНА
3 руб.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ—ВОСКРЕСЕНЬЕ 14—20 ІЮЛЯ 1919

Компания 41° объединяет лѣвобережный футуризм, и утверждает заумь как обязательную форму воплощенія искусства.

Задача 41°—использовать всѣ великія открытія сотрудников и надѣть мір на новую ось.

Газета будет пристанью событій из жизни компании и причиной постоянных безпокойств.

Засучиваем рукава.

Аполлон в перепалкѣ.

(Живопись в поэзіи).

„Крученых
ногу втыкаешь ты
въ мяхново евнуха“
(Терентьев)

Рисунок—перпендикуляр сразу!

Необычное положеніе ноги: штопоръ или буравъ...

Композиція у Пушкина—естественное ходеніе, шатаніе из угла в угол и только смерть прекращала приводила необходимую для рисунка черту!

А в приведенном Терентьевѣ—необычность живописной компановки!

„Пароход плывет по Волгѣ

По стѣнѣ верблюдъ ползеть!“

(частушка)

Горизонталь пароходнаго рейса, пересеченная вертикально караканья верблюда—верблюд воткнутый в пароход!

Кажущаяся нелѣпость—мудрость рисунка!..

Живопись—проявитель такой композиции поэта и начертаніе звуковъ: ударяемые крученых и ты дают звуковой тын штычен в отдувающихся как пуховик мяхново евнуха“!..

„Как памятник трезвый
Публично сплю“
(Терентьев).

(Человѣкъ не стѣсняющийся дѣлать публично всѣ!)

Памятник ложится, но сейчас же протестует и встает, потому, что он „трезвый“: рѣзкій, прямой, рѣзко вытянутый во фронт!

И тут же—„сплю“—распластанная постель (сравни: лежа бѣгаю)

Перпендикуляр мигающій!

Все изображается въ неприсвоенном положеніи и направленіи: вѣтеръ дуетъ снизу—„вой из войлочной туфли лихо радуй“.

—лихо радуй и лихорадуя (лихорадочно и пр.)

„Пока не упрусь дощатой подошвой
Въ собственный каинный рост“
(Терентьев)

„Суп наголо“—
суп выдернутый наголо!

„Красота со взломом“—
лом продыравливающий икону!

„Совершенно неизвѣстно чего пожелает

Мой желудокъ

Хотябы через пять лѣтъ!

С луком растянутаго бульдога

Ежа

Баталіон телят

Или перепоротую кашу Лилилильную

Изъ фистали.“

(Терентьевъ)

Построеніе: растянутый бульдогъ (растя-

нутый куб!), воткнутый еж (нож), марширующий баталіон телят(!) и снова—каша разлитая и перепоротая

„Поэзія что такое?

Укража дойное молоко

А корова!!!!

Слово!

А быкъ????

Язык!“

(Терентьев)

Корова стоя читает газету. Ноги—четыре перпендикуляра. Бритва языка подкашивает тяжелого быка—поэзія опредѣляется графически! Только при разборѣ я замѣтил что в рукописи послѣ четвероногих слов по четыре вопроса. и восклиц. знака!

Каждое построеніе протыкается, проткнуто (проклято):

„Сливки мокко модница

Висла яблоко Николай угодник“

(Крученых-Терентьев)

Созвучныя слова. Общность их и в построеніи, которое выражается одним рисунком (—1): поверхность сливок на тарелкѣ, рядом—стояція жестянки и модница Яблоны повисла—а может рѣка Висла или висачая—и на берегу яблоко-ня, а выше гладильной скриталью зашумящій Никола Угодник—не подходи, а то выгладит!

В страхѣ бѣгут „дезертировавшіе меридіаны“—сухощавные поджарые спортсмены, растянутые в безконечность (лежащіе бѣгут)

Три названія перпендикуляра:

1) кличка „трезвый“ (человѣкъ)

2) Николай Угодник (дух)

3) Дезертировавшіе меридіаны (все-ленная)

„Птица тройка! Кто с ней угонится?!

Наконец то Щедрин дождался, что (мы) стали к нему перпендикулярны—смотри его „будьте перпендикулярны“ (сравни: я очен вам перпендикулярен“)...

Воткнутый под прямым углом кинжал классической трагедіи не трогает современнаго сердца: онъ кажется холостым чертежом. По Аристотелю красота доканчивалась гибелью. Акробатическія выдумки стараго искусства не были сами по себѣ достаточно интересны почему публика вѣрить могла в основательность танца только послѣ сломанной шеи: это ее убѣждало восхищало!..

„Красота в погибели“

„Любовь и смерть“

„Философія трагедіи“

Веселье достигалось привѣшенным черепом „Прими сей черепъ Делвиг, онъ Принадлежит тебѣ по праву“

—Кубок—черепъ!

„Все, все, что гибелью грозит

Для сердца смертнаго таит

Неизъяснимы наслажденія“

(Пушкинъ)

Грубость вкуса, воспитанная старым искусством, требует искренности лирика и гибели въ трагедіи. Мы живем въ варварское время, когда „дѣло“ ставится выше „слова“, А у Терентьева: „цвѣтут какаисты Бревна смѣхом, воткнутая нога (кинжал)—цвѣтетъ сама (интересно осуществитъ все это на сценѣ!), а что дѣлается с продыравленным евнухом—для композитора не видно,—сажаемъ мудрецов на кол, устраивая громомовод жизни

„Не упускайте случая

Сказать глупость,

Усыпительной пулей уносится

Всякая пакость.“

(Терентьевъ)

из книги „Хорувимы Святатъ“)

„Сорок соборов на одну Лизу“—
такой размах!..

В драмах Зданевича дан кинематограф перпендикуляров—ежеминутно встает и падает:

В „Янко“ частокол-разбойников, косая блоха и распяленный Янко, испускающій мало „фью“.

В пьесѣ „Асел напрокат“ вертикальные женихи с невѣстой (Зохной) и горизонтальный осел. К концу всѣ ложатся въ слезах наземь.

В третьей дра (I) „Островъ Пасхи“ безпрерывная смерть и воскрешеніе из пяти лиц: эффект выщербленнаго забора и спортивная комбинація пяти пальцевъ в сырное лицо смерти...
ВОЕННОЙ ВЫЗОВ

„У-у-а ме-гон э-бью“.

(Крученых)

У-у—глухой рев книзу и затѣм рѣзкій переход кверху (а)—раскрывшаяся пасть.

„Ом-чу гвут он

За-бью“

Опять „хлопаетъ“

Дальше: „гва-гва“—лягушьяя трели и квак.

„Са-ссыку“—плюется.

„Зарья???”

Качрюк!???”—

графичнось вопросительнаго знака—круженіе в военной пляскѣ. („вопросительный крючек“—выраженіе Пушкина)

ЗАДОРНЫЙ ВЫЗОВЪ

„Чхо-хоа“!

увей чипля!

злукон! злукон!

шашимп!..

Фа-зу-зу-зу!..

(Крученых)

—шипѣе брызги чахи, хлопанье лопнувшей камеры на всю Европу

Колокыя осколки и брызги...

„Заюская гугулица“—(Фавни: юсь, вынуть как шерсть, молюски)—тонкая как волос блондинки, как математика. Гугулица—дикое у-у гу,—чудище на тонкой плюсь—ножкѣ...
РИСУНКИ СЛОВЪ: (Терентьева, Крученых, И Зданевич)

1 Свороченныя головы—мочедан (чемодан), шрамное лицо, мраться физиономія и др.

2 Двухглавыя слова—я не агеній, выпту исусами (отчаянно пьяный)

3 Сломанное туловище—мыслей (удареніе на е), Овдѣля (исковерк: офелія)

4 Троичные в брюхѣ—злостеболь (злость и боль), бренденъ (бред, дребень, раздробленный день). [Вчимдѣла.

5 Мохнатая слова—бѣден, как церковная лектриса (притягивает крысу), пещка (мягкое, круглое, нѣнистое). случайка и др.

6 Третья нога—летитот (летит от) во снѣ на Козерога.

7 Однорельсныя—жизнь (виѣсто: жизнь) нра (нравится)

8 Трехрельсныя—циркорій (вставная буква р)

9 Связатой серединой—сно (виѣсто сон)
СЛОЖНЫЯ КОМПОЗИЦІЯ: (груз на кабелѣ, прикрѣпленном за кобуру горла)

Выбуив ка-горло

по кабелю

испускаюсь

из аптеки

в

сак—

воляж

(Крученых)

41°

КОМПАНИЯ

Основной капитал 1.000.000 руб.

Книгоиздательство

ГАЗЕТА

ТЕАТР

ВСЕУЧБИЩЕ

ОБРАЗЦОВАЯ ФЕРМА

Преспенты по первому требованію.

—Крѣпкая перекладина. По кап (б) елю, по каплѣ (растянутое а). в сакволяж—(сак—бряк, воляж—ляж—ка, пляж.

Еще возможны композиціи: из разных кривых, лучистая, симультане, пятинистая и пр.

Карабкающійся
по правому проводу
птиц
Х Р Ж У Б

—Легкость (вертикальная фраза) и тяжесть (хржуб).

В заумных словах, освобожденных от груза смысла, наибольшая сила и самостоятельность звука, крайняя легкость (фьят, фьят; мечталинный пюнь) и крайняя тяжесть (дыр-бул-щыл, хряч сарча Крочо, хо-бо-ро, хржуб.)

Чередованіе обычнаго и заумнаго языка—самое неожиданная композиція и фактура (наслоеніе и раздробленіе звуков)—оркестровая поэзія, все сочетающая

Замаяуль!..

А. Крученых

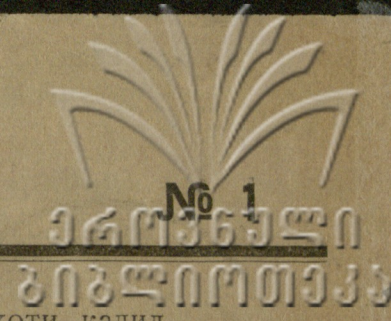
Изабелль Седьмой

Открытое письмо

Madame!

Печально, что ваш недавній пріѣзд в Тифлис лишил вас возможности быть слушательницей футурвсечубища прошлаго года и в частности моих докладов. Это дало бы вам возможность хотя бы нѣсколько ознакомиться с футуризмом и не писать несуразностей, помѣщенных в газетѣ „Новый День“. Я имѣю в виду ваши разсужденія по поводу семитизма в футуризмѣ. Позвольте же вкратце указать вам поэтому.

Футуризм—заумный ставит задачей воплощеніе в словѣ таких сторон переживаній, которыя не могли быть никак воплощены нашими предшественниками, пока поэзія имѣла дѣло со словом, привязанным к смыслу. Для этой цѣли футуризм создает слово заумное. Слѣдовательно, он не только не отказывается от воплощенія Бога, но наоборот, стремится к этому и притом успѣшно, побѣждая скептицизм эстетов, разочаровавшихся в своих средствах—Тютчева с его Silentium и Фета („О если б без слова“). Примѣняя вашу концепцію могу сказать, что футуризм есть новое христіанство, а заумная поэзія во-

плошение Сына. Наши сотрудники в этом дѣлѣ хлысты и сектанты—чистѣйшіе арийцы, так как Богородица их еще понынѣ здравствует на Охтѣ.

Между тѣм вы утверждаете как раз обратное. С трудом допускаем, что вы невѣжа в литературных дѣлах. Но повидимому вами руководили умысел довольно некрасивый или вѣрнѣе вы проектировали на насъ собственные пороки—отсутствие вдохновения и свой скептицизм в вопросѣ о воплощеніи. Вѣроятно у вас никогда не было дѣтей, madame.

Илья Зданевич.

Грусть

Удивительно как я еще шевелю усами
Скучно мнѣ переходить Черное море когда оно разступилось

Каким шагом заполню толстое полотенце
Мой фонтан бьет только книгу
А глаза без боли пронизывают юфтовую тучу
Поэтому сразу хорошая погода
Какое искусство покажу будучи такой счастливый

Просто хожу
Завтракаю на два куверта
Вот скоро за моей спиной начнут творить чудеса

И станет все необычайно дешево
Я тогда уже буду висѣть на шеѣ
У каждаго праведника.

Терентьев.

ИЛЬ ЗДАНЕВИЧУ

Слеза маРширует
на пик оСтрѣ
кобрА нос тоГит
тулЯ выраЖаетСя
эпІЯ пІя А А А
АБЫВЫГЫДЖЗЫ
ИКЛ!
ЗДА!!
НеВиЧ!!!
И Л Б Я!!!

И. Терентьев.

Братья Писатели.

Изабелла Седьмая, „Приятелица Григорія Робакидзе, (?) напечатала в солидной газетѣ „Новый День“ колкую рецензію на книжку поэта Терентьева: Что можно требовать отъ футуриста“, „чтобы усилить силу ерунды“, „в эпоху орудіи всевозможных (?) никого не утратишь“, „Терентьев оказался довольно плодотворным“, „эротической солипсизм“, „Пристрастіе Крученых к анальной эротикѣ и Терентьева к перпендикуляру“... Не акушерка-ли это?!... Оказывается „Новый День“—пріют для секретно—беременных и безграмотных модернистов!?

ХРОНИКА.

Исчез с лица земли поэт Василій (он же Анатолій) Каменскій.

Поэт Гр. Робакидзе вернулся из Казаха.

Поэт А. Чачиков вышел в отставку в чинѣ полковника и занялся заушной поэзіей.

Редакция Оріона в обществѣ художника Судейкина совершила на днях увеселительную поѣздку в Боржом.

Скульптор Кепинов заказал, наконец, новый костюм у Кричевскаго. Пока нечѣм заплатить.

Археолог Д. Гордѣев выѣхал в Мартвили для обследованія мѣстных древностей.

Актриса С. Г. Мельникова выѣхала на дачу в Махинджаури.

Поэт Ю. Деген перенес резиденцію из Баку обратно в Тифлис. Цех Кольчуги собирается по прежнему по средам на его квартирѣ—Мечниковская, 3,

МИЛЛЮРК.

Свинцовая типография падает и рассыпается в погонѣ за браслетом

Крылатый воздух подеревень
Здѣсь точнѣйшій силлогизм
букв: кр, зд, по, еж, ве!

Поэтом в молочной быстротѣ стѣлочница не поймет прочтой надписи:

Мировая рябость в 7 секунд пролетѣло 2000 вагонов со словами „будалый транспорт“!

Проѣхало: рябое озеро, китайскія фанза, станція Бахмут, барышня в купѣ читающая Тургенева, Маркс, или Ноган тифлискаго миллионера??

Я сам себя не понимаю
Как курица несущая золотыя яйца
Электромотор освѣщающій уборную красавицы
И только чувствую:
Зудит моя физиономія...

Художник—производитель пустых мѣст
Так возникает цѣнный город там, гдѣ поскользнулась нога

Я бью поклоны
О пустоту котла
вспорхнуть опять
Готовы

Два повара
ПО—ОП—ПО—ОП! ТИ—ОТ!

Перик обѣг!
Оскор уррн—ы!
взвон!
Бэль—эк!

бой на перочинных ножах

Стопу
УРРА!!!

Самое легкое на свѣтѣ—зрѣлища!
В пыльных нулисах
Отдых от копыт мысли
Мои глаза удивленные вылѣзли
Как у повѣшенной птички...

Предлагаю заняться изслѣдованіем „Л“ и „Г“ по санскритским пташкам!
Не сходя с мѣст можно увидѣть все

Малознакомая дама в гостях
Вертит в темнотѣ грамофон
не зажигается
Зѣвает суп

Как трудно повернуть холодную шею
чтобы наткнуться во второй раз!
Говорят—„единица счета“! Нѣт!
Ноль равен миллиорку! Поэтому восторг выражается буквой О!

Жалит пчела только раз
Выпивая предсмертную сладость
Только раз

Свинчатая мина взрывается
Олень издыхает
Однанды и навсегда
Я же ужалил цинуту и клеопатру
Осу привил ей чернюху
Я оплевал самого себя
И толстѣю как крыша
Сноро не подыму
Стопудовое брюхо!

„У меня полный живот слов“—сказано ребенком!

Желудок—сѣдалище гения!
Большой живет головою
Здоровый—пузом
Высока радость одного
А другого—грузна
Зданевич говорит—от вина все ста-

В художественном мѣрѣ идет агитация за перенесеніе праха Нико Пиросманавили в Пантеон.

Не прекращаются разговоры о закрытіи журнала Оріон за отсутствіем у издательства средств.

Журнал Арс причисляется к лику святых
Доктор Г. А. Харазов стал посѣщать „Цех Кольчуги“. Как говорят это объясняется тѣм, что Крученых в Зугдидях, а Зданевич умер.

Новый Телем. В. Судейкина, С. Андреева, С. Судейкин, С. Рафалович, А. Сорин, и Вавочка переселяются в зданіе заведенія св.

новится массивным... По мосму, горячій картофель в ледяной простоквашѣ дѣлает каждаго любезным:

Терентьеву
По—братски—нѣт!—
а по творецки
Раздѣлим мѣр с тобой!
Я выхольный миллиардер средств
Для переверта салонов
В РУ ПОР!...

(звуковой контекст) сдвиг по творецки раздѣли мѣр как разбойники на большой воровской красота со взломом

Если ставить памятник надо сдѣлать фигуру—фонтан; из носа, из ушей извергается все что может быть и без перелышки

Творить чудес я неустану
За мной голый народ
Уже нанормлены четыре стада
Но все же хмур мой рот
Вещи смотрят как пристальное дуло

На грохоту стальномъ лежу
Посплю,
сквозь падающій щебень
Вижу руль

Увязшій в лужу
Но ошибается и шофер
Когда дорога вся
как грохот

Длинное путешествіе (мое ст. Баладжары)

Желѣзный фронт в цилиндрѣ
всю ночь не спит вагонѣ
на остановках

с б-ѣ-ш-е-н-с-т-в-о-м мѣрит саженьями
платформу

Послѣ миллиорка верст опять станціонная тиша с выѣвской

Спасительная опечатка
Юродесь шинкарна
Зарябила мѣр:

Нес ложе
Ранты кур
шляпцы
или:
Упади ватку
Корзины битв

Шелковыя колымаги
Падут шибно
Караваны ниці!...

Не все-ли ровно что болтать если языки развязались... как у апостолов

Пока умылся
Бог ушел
А паровоз смор
Нался за стѣной
Турманамк
Колеса

Чордобитьем
Разорваны
Штаны

Сначала или ссередины—одинаково:
Мірозданіе начинается с четверга
Царствуют окорона земель
Спят величавые сторожа

Сравни сорок сороков

Тушеным ясомъ
Приползет
Каранасина!

Все это начитано из книжек—рукописей Крученых п предназначено для самага острога носа по страницѣ в день.

Хотя не нравится,—читай—мучайся!
Нѣжно любленная литература кончилась. Один из несомнѣнно культурных поэтов нашего врмени—Сергѣй Рафалович—сознается: и былъ не зазвучит как дифирамб!
Конечно нѣт!

Я поставщик слюны „аппетит“, на 30 стран

Успѣваю подвозить повсюду
Обилен ею как дредноут—ресторан
Рельсы блещут как канкан
Цистерны экзотичный соус подают к каждому блюду

Мнѣ разжигателю похоти кадил
Дорог мой вид неудержимой шипучки с батинкой трясучей

Я пепсин для жвачки и мандрил
Пѣнью до потери сил
Пѣвцы с треском цѣлуют мнѣ ручки
Жабы нѣжности сѣроглазастыя
Лѣзут из водопроводной ноздри
Блюбленные коренастыя
Лижут уши мои!

Планетам всѣм причастен я
Музика, слезы блузкой оботри
Заатлантический транспорт моей насморочной глубины

Не знает предѣлов!
Пароход восторжен от маршрута шаризны
У него бока грузны
Не принимает на борт других консервов
Сквозь дождь слюнявый мѣр заблестит гри-масной радугой

Без нее как без вегетала на землѣ сушь

Я прожарил свой мозг на желѣзном прутѣ
Добавляя перцу румян и кислот
Чтобы он поправился, музика тебѣ больше
Чѣм размазаннй торт
Чтоб ты вкушала
Щекоча ноготком пахнущій терпентином (смочек)

Сердце мое будет кувырком
Как у нервнаго Кубелика
Смычек.

Когда мнѣ дали плюху
Я сказал:
За битого всѣх вас дают
Пошкочите еще
Мое личико!

Какой скандал!
Надбавлен мой пьедестал!
Тот поблѣднѣл как парашют
Просящим глазом
Закивал

Отдайте мнѣ назад
Безвозвратно и свысока был мой отвѣт
Ни единого плевка не получит ни один чело-ловѣк

Так и умрет
Без автографа
Вы вызывающіе на ДУЭЛЬ знайте
Обижатьсзя мнѣ Африканская лѣнь

Чисто по женски нѣжно и ласково
Она убѣждает, что я талант
Что меня по меню положат на—стол
И будут всѣ как лучший ужин захлебыва-лась лакать

Ватага изысканных жевак
Набросится на мою телячью ножку
Кину им пачку улыбок золотых рыбок
Будут пораженные плясать до утра бряцая воистину ложками

Запивая ликером моей цвѣтущей рубахи,
Глѣ на подтяжках висит краснаго дерева диван

И стану в вѣ угол и буду от восхищеніе и благодарности плакать
а за мною
У весь кафе-ресторан...

Меня заласкали,
Меня залюбили
—Заландалы—
в Бразилии
дамы
в зеленом автомобилѣ

и я разслабленный нефтеточивый
нефте
ефте!

рчив
Музыка А. Крученых, слова И. Терентьева

Нины, гдѣ им отведены 2 зала и организуют новый Телем. Вход по приглашеніям.

Нико Пиросманавили продолжают усиленно скупать. Лучшія приобрѣтенія сдѣланы в собраніи И. и К. Зданевич, обще-м художников Грузин, Лукьяновым и правительством.

Передаем как неопровержимый слух, что Изабелла Седьмая псевдоним.

Поэт А. Крученых на днях возвращается в Тифлис, чтобы принять активное участіе в 41°
41° на той недѣлѣ открывает отдѣленіе в Баку.

Поэт Илья Зданевич осенью ѣдет в Париж.

Адмирал Сеймур посѣтив Тифлис приобрѣлъ картины Зоммера. Таким же вкусом отличаются остальные англичане.

Модной темой свѣтских разговоров является рѣшеніе вопроса—поэт или нѣт Илья Зданевич. Признанный арбитр С. Андреева, как говорят, рѣшает этот вопрос отрицательно.

Терентьев стал ежеполуденно обѣдать у „Мефисто“ на 2 куверта.

Рекорд нѣжности

(Житіе Илья Зданевича)

Ранніе годы поэта, его дѣтство никоим образом не касаются. Известно только что тогда был необычайно красив. В отрочествѣ он окончил Тифлисскую гимназію, в юности Петербургскій университет по юридическому факультету, а молодые годы провел между Кавказом, Петербургом Москвой и Парижем, гдѣ выступал публично с лекціями, чтеніем чужих стихов и просто так.

Общіе знакомые передают анекдоты о „Школѣ Поцѣлуев“ открытой будто-бы Илей гдѣ-то на сѣверѣ, говорят о блестящей рѣчи, произнесенной им в Кисловодскѣ, кутежах, о распутствѣ, дерзости и о веселом нравѣ добродушного, эгоистичнаго, сухого, сентиментальнаго, сдержаннаго, запальчиваго и преступнаго молодого чловѣка.

Вызывая в людях не только уваженіе, презрѣніе, злость, но и участіе, Илья много слышал полезных наставленій от родственников и друзей, которые всегда чувствовали, что юноша пойдет далеко.

Молодой чловѣк слушал всѣх и всѣ наставленія исполнял, удѣляя каждому недѣлю, мѣсяц или год. Но в то же время, без всякаго призванія,—по собственной доброй волѣ Илья стал поэтом. Это случилось давно, и обнаружилось в прошлом году, когда в Тифлисѣ высочила оранжевая блоха—первая книга поэта,—ярко круль албанскій.

Кинематографическій снимок всѣх зву-

ков, которые слышал и хотѣл бы слышать Илья в теченіи 20 с лишним лѣтъ!

Увертюра к дальнѣйшим драмам поэта что теперь вышли и печатаются.

Всѣ людскіе пороки растянуты в „янкѣ“, до предѣла:

Стяжательство—ярко ловит нелюбимую блоху и пишет на ней „собственность янки“ Нищество

и отсутствие пола—„ярко ано в брюках с чужова плічи абута новым временем“,

Трусость—„папаса мамаса“, „ана ваней дуной“.

Глупость и гордыня—„ае бие бие бао биу баа“.

Сюжет простой: проходимец ярко набрел на каких-то разбойников, которые в это время сорились. Как чловѣк совершенно посторонній и безличный,—ярко приневолен быть королем. Он боится. Его приклинают к трону синтетиконом, ярко пробудет оторваться, ему помогает в этом какой то нѣмец ыренталь: оба кричат „вада“, но воды нѣтъ и ярко падает под ножом разбойников, испуская „фью“. Вот и все. Это сюжет для вертепа, или театра маріонеток.

Можно видѣть тут 19 вѣк Россіи.

Гадчино, дубовый буфет и Серафима Саровскаго.

Голос Илья Зданевича слышен в „янкѣ“ достаточно хорошо, видна и постановка его на букву „ы“, что позволяет легко брать верхнее „й“:

„албанскій язык с русским идет от ывоннаго“

„ывонный язык открывает всѣ чисто русскія возможности, которая в „янкѣ“ однако не использованы: там нѣтъ ни одной женщины, ни одного „бо“,—ни капли влаги.

Необыкновенная сухость словесной фактуры, твердая бумага и обложка цвѣта окаменѣлой желчи,—заставили многих принять Илью Зданевича как академиста и бюрократа.

Поэт раздѣлил судьбу своего героя: ему нехватило „воды“! Температура 41°! Твердый нос! Зданевич ищет душевную мягкость (слюни любви): так образовался позыв к анальной эротикѣ! Заболѣвает брюшным тифом! Пишет новую драму—„асел напрокат“—компрес из женщины, который молитвенно прикладывается без разбора, то к жениху „А“, то к „Б“, то просто, по ошибкѣ,—к ослу.

Всѣ неприлично любовныя слова в безпричинном восторгѣ юлят, ются, яются, вокают, сяют, переслюняя самого юснаго поэта Велемира Хлѣбникова.

Рекорд нѣжности поставил Илья Зданевич, сіяя от удовольствія!

В третьей драмѣ цикла „аслаблчя“ (всего 5 драм: двѣ послѣднія нам неизвѣсны) превращеніе осла в чловѣка болѣе рѣшительное: хозяин говорит о дѣйствующих лицах „остафа пасхи“ почти ласково: „Купец парядочный асел ваид тво пуцы двѣ с палавинкай каминых бабы тожы дрян“.

Очень веселая драма: всѣ умирают и всѣ воскресают—період.. мѣсячннй!!!

Двѣ с 1/2 бабы (характеристика)—пер-

вая—мать припудренная землей, грим стаярухи. Вторая—своячница с истерикой в ванной комнатѣ.

Половинка—просто Ъ!

И самыя милыя слова ваيجا обращены к половинкѣ:

„деса
лежаая лупанька
ланы“

Это соловьиная трель (буквы ч, ш, щ, ц, с, ф, х, з,—передают плотскія чувства: чесать, нѣжить, шупять щекотать...)

Голос „палавинки“ въ оркестрѣ баб самый простой:

**КУНИТ
КОНИК**
к, т. е.

**КУНИТ
КОНИК**
к, т. е.

Она тоже любит шинящіе звуки: чья, бзыпызы!

Ибсеновская неразрѣшенность замѣтная въ „аслѣ напрокат“ исчезла в „острофѣ пасхи“—тут уже „непарно копнтым надежы“ сбываются: пасха отрицательнѣй показатель смерти минструаціи каминых бап разришают дѣйства пасха и ваичу крапит ваيجا кровью бап ваич оживант бижит хазиин

Умный чловѣк никогда не возражает по существу.

Илья Зданевич ангел небольшого роста и наглый пѣвец

Слѣдующій сеанс: „зга якабы“ и „лидантю фарам“

На канец!

Терентьев.

41°

Возникшая недавно организація 41° кипит—основаны—книгоиздательство, газета, университет и образцовая ферма. Книгоиздательство выпустило ряд книг и завалило типографію дальнѣйшей работой. Очередные выпуски „Асел на прокат“ Зданевича, его же „Умума“, Терентьев „Рекорд нѣжности“, „О сплшном неприличіи“, „Желѣзный фронт“ и т. д. Книгоиздательство произвело такое впечатлѣніе в художественных кругах, что такія далекіе от 41° мастера, как художник Судейка и поэты Табидзе и Чачиков просили принять к изданію их произведенія. Театр 41° будет находится против дворца—для этой цѣли перестраивается зданіе музея, часть котораго приспособится под университет. Пока лекціи будут происходить в одном из клубов. Образцовая ферма создана в Лиси—ея назначеніе доить грамотных идіотов.

— Приобрѣтеніе картинъ для Госуд. Галлерен. Комиссіей по искусству Учред. Собранія Грузіи приобрѣтено 3 картины худ. Пиросмаишвили для Государственной картинной Галлерей за 2,200 р.

(Кав. Слово Слово № 129)

На что способны футуристы? спрашивает Изабелла Седьмая (Нов. День № 10) Национальнаго генія Грузіи открыли и спасли футуристы художник Михаил Ле-Дантю (+1917 г.) поэт Илья Зданевич и художник Кирилл Зданевич.

Азеф—Иуда—Хлѣбников.

(Впыты)

Превратна судьба твореній В. Хлѣбникова: они при жизни баяча были как посмертныя (против его воли): друзья „по дружески“ стащили рукописи черновики да и тиснули—получились „Творенія, том I“, „Затычка“, „Дохлая луна“ и др. Так впрочем с Хлѣбниковым и потом поступали... И если не всегда рѣчарь улыбался, зато читатель может радоваться: ему выпало счастье видѣть слишком интимное творчество, по которому не прошла даже рука цензора-автора!

Тут и законченныя произведенія и уцѣлѣвшіе клочки и наброски, вплоть до дневников!

Поэт не только обнажен, но даже вывернут и вытряхнут!

Вот вго богатое нутро:

„Небистѣли небистѣли
Озарив красу любин
В нас стовали любистѣли

Хохотали каждый ин...“
Ярь, Ярійца, Яроба...
Ярюта (божок любви?)

Легки сверкающіе небесные зайцы—смѣянцы!

„Их нѣжныя милыя личики
Смѣнялись вершиной кудрей
Из уст их струилися клички!
„Смотрите, живите бодрѣй“.

(„Творенія“ 24 ст.)

Да это они и смѣюнчики, смѣюневичи, смѣюнчане, смѣянцы!

Уста их сахарно-влажныя и голос „нѣгоснѣжнаго серебра“.

Неловко?
Очень уж сладко?

Но вы вслушайтесь в словотворчество это завершенность великой полосы жизни:

ЛЮБОВИЦА.

Я любистѣль, я нѣчистѣль,
Я нелгиня, я богиня,
Быть смѣянственно голѣй
Звѣздный иней, звѣздный иней
Будь, упав на звук, смѣлѣй!

И дальше
Красотою люботява и любина и любитава

Любрава. Любер. Любр. Любро
Я любистѣль, я нѣгостель!

Да это сущій колдун! Улыбаются свѣтлые глаза и не оторвешься—так и будешь повторять за ним:

Небистѣли любистѣли
Мизна. Мизнь.
Небязь. Небичь.
Грѣхачь. Мерда. Морьба. Смердва.

Кажется это ничего не значит.
Вот хорошо, таково чистое колдовство, глухое, незнакомое!

Вѣдь это как в пѣснѣ вѣдьм:
„Шагадам, магадам, выкадам.
Чух! Чух! Чух!
Чух!“

(„Изборник“)

Не лучше ли оставить так это мамайство?

„Колдовство, если его разяснить, не дѣйствует“,— но хочется узнать это магическое слово!

„Сезам отворись!“
Хлѣбникова разясняет признаніе Лермонтова:

„Я без ума от тройственных со-звучій
И влажных риѣм, как напримѣр, на Ю“.

Ю сокращенное ёни (см. нашу замѣтку о Пушкинѣ в „Тайные пороки академика“).

Игривое словоновшество

„Но чу! вездѣ полет воуиій!“
Долюбство... улюбнулся в любвицу. Яголица любви.

Это „мѣстонмѣніе“ великой вавилонской Лилю, „дѣвы ночи“, что являлась мужчинам во снѣ и мучила их неудовлетворенной любовью, тогдашней полицмейстерши, еврейскою Лилит! (Сравни стихи Сологубящаго о женѣ его—Лилит). Она явится при послѣдней схваткѣ мамудійцев.

„Улюбнула в любвицу!“

Хлѣбников даже подыскал русское имя, ближайшее к Лилѣ (Лилит)—

„Любите носить всѣ тѣ имена,
Что могут онѣжится в Лялю...“
„Лялю на лебедѣ
Если замѣтите,
Лучшій на небѣ день
Кралей отмѣтите“. („Творенія“).

Этакая юная Леда!

„Ляля на лебедѣ—Ляля любовь!“
Как видѣніе проходят у него бѣлыя мавкы, вѣдьмы, русалки и вилы с лебяжьей грудью:

„Коса волной легла вдоль груди,
Гдѣ жило двое облаков,
Для восхищенных взоров судей
Для взоров пылких знатоков“.

Когда то рисунки в книгѣ поясняли слово, теперь затемняют.

Но если повѣрить художникам, украсившим книгу Хлѣбникова, и если допустить, что рисунки добавляют и раскрывают книгу, то что мы увидим?

На страницѣ 5-й „Твореній“ Хлѣбникова изма о лѣсной дѣвѣ „Лисцѣ“, а перед этой страницей вкладной рисунок раздавленной (?) собаки с невозможно изломанной (повернутой задом?) обнаженной женщиной в позѣ крайнѣ двумысленной.

Такая же дама с необыкновенно широким тазом, и перед стр. 22-й.

Как произведенія Хлѣбникова, так и рисунки к ним (Д. Бурлюка), напечатаны без разрѣшенія поэта—но может поэтому они пристали еще удачнѣе?

Как иначе нарисовать:
„Небистѣли, небистѣли
„Мизна
„Мерда. Смердва“—?

Или:
„Гопо, гоп, гопопюй?
„Пинцо, пинцо пѣй.

У Хлѣбникова все с улыбочкой, т. е. иному сперва померещится Фег и Верлэн, но в улыбкѣ этой не видно ли смердва и мердва—морда Смердякова?

И еще?..
Небистѣли—постель и небо, которым

привили дурную болѣзнь или обнажили в самую интимную минуту! Тут и „бда“ и „на простынѣ порока пятна“. Если Хам посмѣялся над своим отцом, то над ним посмѣялся Хлѣбников?

„Веселѣе грѣхощ
Хлебематствует мотѣж“.
(„Союз Молодежи“ III).

„Я небичь бѣндын
Небичь зыбкій
и небязь иплюаы голутой“,

а ученики учуяли иодхватили и уже продолжили:

„Гром из-за тучи, звѣрѣя вылѣз
Громадныя ноздри задорно вы-
сморкал

И небоѣ лицо сскунду кривилось
Суровой гримасой желѣзнаго Би-
смарка“.
Маяковский.

Это из „Облако в штанах“.

Конечно, если о небѣ так выражаются, то оно в штанах, или еще хуже!

Ученики размазывают всѣ тряпки, но первый за них взялся Хлѣбников.

Он ясно и кратко выразил свое отношеніе ко всему міру:

„Вѣчность—мой горшок
Время—подтиралка!
Я люблю тоску кишек
Я зову судьбу мочалкой“.

(Сборник „Затычка“).

Опять это было напечатано без разрѣшенія автора—кому же охота прележременно открывенничать? Здѣсь тон простой и дѣлмый—как послѣдняя воля.

Конечно, Хлѣбников возмущается, когда его так выдают, и все собирався печатно протестовать—да что-то помѣшалось..

А что печатал Хлѣбников сам, было повидимости другое, а в сущности тоже самое:

„Там гдѣ жили свирѣтели Гдѣ качались тихо ели Пролетѣли улетѣли Стая легких Времирей“.

Или: „Любезь борзость туч, Любезь блѣдных лучей“.

Иди болѣе пѣвучая юная поэма: „Нѣголи легких дум Бѣгали к легкому свѣту“.

(См. „Изборник“) „И в дебрях голубых стонало солнце Любри голубри, небо разсыпало

Этакая простота и невинность! И вышеприведенное:

„Небистѣли; небистѣли Озарив красу любени В нас стопали любистели Хохотали каждый ин...“

Но тѣм болѣе великій и желтый (гумигутный) Иуда глядит из-за этой благолѣпной ясности сюжасловия.

Так же ослонявил, под видом поцѣлуя П. Хлѣбников и Любовицу (обабиться, бабица).

Конечно Маяковского видишь за версту и не ошибешься.

„Вот вы прохвосты бездарные многие!“

И раз человек вывѣсил на лбу:

„Умный! Талант! Я сутенер и карточный шулер“,

то сразу видно с кѣм имѣешь дѣло и в карты играть с ним никто не сядет, а если сядет, то шулер похлестче его!

Не то Хлѣбников—его деп. всѣ дѣвочки называют воробушком, считают необыкновенно нѣжным, а „вѣдающіе мѣры иные и 8-ое измѣрѣніе“—вѣрным.

Да и как не считать?

Вѣдь можетъ это у него от большой любви слюнявость такая? Вѣдь может он слишком уж предан, до приторности?

Он так пропитан „сладостью“ и сладостью, что она у него из каждой буквы, из каждой прорѣхи!

Его словарь начинается съ любви и кончается любистелью, между ними тщательно спрятаны юбка и постель.

Падеж любви.

Она склоняется и спрягается на 5-ти притах, Хлѣбников довел до конца, начертил всѣ возможности этого слова—(въ Дохлой лунѣ). Он закончил дѣло символически и начал новое.

Л Ю Б Ю.

За любясь влюбность любима любля в любѣвах.

„Любный, любила любез, любляхх любящечников, в любитвах и любой олюбил, залюбил улынуулся в любичу“...

„Любань, любило, любанье, залюбилось нелюбью к любиму, любичей любимоч прилюбилась въ залюбе“...

ю, лю, ли, ню, ня—любимыя его буквы! это чистое словесное ню!

Как отнести к этим словам баяча? съ ихъ эстетической стороны?

Небистѣль... Лиска, Небязь, Мизна, Мизнь,

В. Брюсов критикуя И. Сѣверянина просто пишет: и в одной из своихъ поэм (какое безвкусное слово!)“...

Но все таки—почему поэм—безвкусно?

Брюсов глубокомысленно промолчал, а между тѣм это нас чрезвычайно интересует.

Душевно больной (как увѣряет д-р Радин) Мартынов напримѣр происхождение всѣх слов находит въ тѣх

Естество—есть, ѣство эстетика—ѣстетика радость—от ядость День—Едень и т. д.

Конечно такая наука неприемлима, но если приведенныя объясненія понимать лишь эстетически—то нам многое станет ясным. В самом дѣлѣ развѣ поэзія и поэты не напоминают нам Поэзія поѣдать или другой физиологическій акт?, и развѣ бывшіе деп. поэты не творили в точности от переполненного желудка? Под влияніем „настроєнія“—

—„Поэзія пріятна, сладостна, полезна,

Как лѣтом вкусный лимонад—, Принебрегая словом как таковым?

Может и „поэты“ показались Брюсову безвкусным, напоминая ему какой-нибудь физиологическій акт?

Во всяком случаѣ отрывкой несет от слов: поэзник, небистели, лизна, лиюнь и т. д.

Поэтъ изливается истекать... Он так плодовит—у И. Сѣверянина 6 или 12 книг, у Хлѣбникова больше дюжины поэм, дѣюг, трактатов да безсметное количество мелких стихотвореній.

Манера Хлѣбникова—сперва наслонявит, а потом утонит въ „ложкѣ воды“. Самая подлая смерть! Берегитесь слюнявых, п. ч. убьют не из ненависти, а лишь по глупости своей воистину „поцѣлуем предадут“ по неловкости любить и растерянности отъ своей неудачливости.

Предатели любить кровь, а еще больше удурение и утопление.. Дѣва которую обидѣл жрец въ ярости своей потопила всю Атлантиду. (Садок судей II) Смерть в озерѣ

Гибнут конечно сѣрые солдаты: хлынули воды

У плотнин нѣтъ забора Глухо визгнули ключи. Кто по руслу шел утопая, Погружаясь в тину болота, Тому смерть шепнула: пая... И вот протяжно ухали Моцарга пропѣли лягвы“

И не случайно „бѣжит любезнаго вѣнца“ жених, утопивши невѣсту.

Такова разбойничья рѣка: „И Волги бѣг забыл привычку Носить разбойников суда Священный кличь „Сарынь на кичку“

Здѣсь не услышат никогда“. Слава Разину п. ч. он: „Полчищем вытравил память о смѣхѣ

И черное море сдѣлал червонным“. Вола не случайно является нам стихией страсти... Страстная натура поэта (Тютчева), как и „вод“ его глубока; никогда не бывает больно; мятеся природа поэта, словно юноша, не утратившій способности любви“ (А. Бѣлый.)

Хотя этой окраской (у Тютчева—анальное болото) воды можно не соглашаться, но прием к свѣдѣнію это признание важности влаги для поэта. У Хлѣбникова вода отомстила за себя; сперва слюни, влажность ю, не находя себѣ исхода, не растворяясь въ других вещах и звуках, стали убійцей поэта и міра!

Все въ природѣ должно погибнуть... Если вы прислушивались к голосам диких гусей, не слышали-ли вы:

„Здравствуй! должнствующіе умереть привѣтствуют тебя!“

Таков этот Иуда—любящій—предающій не из-за денег, не из ненависти, не по повеленію долга, а по великой любви—великій провокатор хотѣл всѣх благословить, а вмѣсто того утопил вселенную Любил Русь, сочинял манифесты („Радой славу“ см. приложение) звал посолон на нѣм —а не к тому ли звал, что и юняюк?

Он уж и сам видит потоп—да остановитъ не может!

Если лишь остается угѣшать себя тѣм, что он не признанный гени—Велемир, что откроется, общество изучения его жизни“, что онъ один неприступный возвышающійся под окровавленным морем:

„На островѣ въ. Завѣтся он Хлѣбников. Среди разъяренных учебников Стаит как остров храбрый Хлѣбников.“

Остров высокога звѣздного духа.(!) Он омывается морем ничтожества“...

(„Рыкающій парнас“).

Утопив всѣх можно на диком камнѣ надгробную надпись:

„Кукси кум и мука скук!“

Это конечно одна из его граней, во многих произведеніях он болѣе энергичный и плясучій.

Вѣдь только Хлѣбников мог придумать придумать такую китайскую пытку, такую скуку и безнадежную смерть! вот уж сѣсюканье, а настоящее лицо рѣчаря-смерти

Читайте справа или слева—надежды нѣтъ, одной улыбки, а одна кукса (рука лишнная пальцев, обрубок такой трагичный в наши дни).

Кукса евнух на скуксившемся лицѣ котораго отпечатлѣлись навѣк муки скук

—скука в усиленной степени, скука мужскаго рода—скук!

„Супротивница моя Ходит в модной юбкѣ;

Если не гнушаешься любить— Так люби облубки!“ (народная)

от юбки к облакам отъ кулота юнях, Хлѣбников переходит к сумраку обрубленного му

„Помирал морень, моримый морицей“

А вы видѣли Хлѣбникова живого? Сумрачнѣе этого не бывает и медленно шагаетъ высокій крѣпко сшитый человекъ в длинном сюртукѣ, а голова устало повисла на грудь и виден только гиганскій высокій лоб с вертикальной морщиной, подойдя ближе вы рассмотрите ближе и свѣжіе дѣтскіе глаза неизвѣстно куда смотрящіе, а потомъ бесполезную улыбку отвислых губ.

Заглянув в рот замѣтите острые черные зубы.

Могилой зяет его рот.

И как предсмертный стон (кто еще может головами видѣть человекъ) зовет его зазавь.

„Зазавь. Зазавь манности тайн. Зазавь обманной печали... Зазавь уманной устали. Зазавь сипки прежников. Зазавь зыбкихъ облаков. Зазавь водностных тайн. Зазавь“.

(Судок судей II) А. Кручених.

Вечер Жанны Матинион и Джорджіева.

Мѣсяц тому назад в Казенном театрѣ выступила школа Жанны Матинион.

—Публики пришло больше, чѣм нужно

Когда не хватает слов, когда звук исчерпывает свою силу,—начинается жестикуляція, иступленный бѣг, прыг, валянье по полу!

Танец—это послѣднее что остается, когда все испробовано...

Самый грубый зритель не требует, чтобы движенія балерины изображали поцѣлуй, объятія или какой другой житейскій поступок женщины: танец сразу лишает ума, подчиняя все непрерывной математикѣ—безумію ритму!

Идея ритма особо выдвинута за послѣдніе 1/4 вѣка.

„Сократ упражняйся в музыкѣ“—этот бред курносаго мудреца очень понравился Ницше!

Рационализм всегда приходилъ лечиться к безумію во всѣ вѣка: одуріе мистикой или ритмическая гимнастика, лишнная всякой идеологии, на пустой площадкѣ искусства.

Далькрозом и теософіей увлеклись одновременно.

Хронологическое совпаденіе подало повод смѣшивать эти вполне разныя явленія.

Правда, далькрозисты иногда стремятся к оздоровленію человечества, к созданію „новой прекрасной культуры“! Они говорят о пользѣ ритмической гимнастики, о воспитаніи воли...

Но это явная чепуха: будущее всегда бывает неожиданным!

Система Далькроза есть прежде всего танец, а потому она вовсе не нуждается в рекомендательных письмах от музыкантов, поэтов, художников, врачей, архитекторов!

А К У С - Т Е А Т Р, И С К У С - Т В О И М У З Ы К А

Значеніе музыки чрезвычайно раздуто нѣмецкой философией: со времен Шопенгауэра стало общим заблужденіем считать музыку образом всякаго искусства: наиболѣе чистым и наиболѣе отвлеченным!

Это мысль диллетанта! Профессионалы должны понимать всерьезность такого пристрастія к музыкѣ.

Далькроз выравнивал фронт современнаго искусства, освободив танец от стили и предметности.

Балетоманы оскорблены жеребачьей рѣзвостью новых плясуний.

Ритмическія упражненія Далькроза составлены при самом трезвом пониманіи своего дѣла: тяжесть, упор костей, упругость мускулов, сила инерціи,—вот все, чѣм располагает танец; но из этого матеріала возможны 1000000... комбинацій! Каждый день в теченіи 10 лѣт можно ставить все новые и новые танцы! Но вот на пути продолжателей Далькроза возникает странный вопрос: гимнастика или танец!—и опять наследственная болѣзнь сердца—стиль портит многое.

Жанна Матинион отличилась крѣпкой фантазіей и дала зрѣлище несравненно болѣе высокой марки чѣм все балетное кривлянье, что видѣли мы в Тифлисѣ на той же и на других эстрадах.

Принцип поступательнаго движенія—жест сразмаху, бѣг сразгону (сила инерціи) использованы очень полно.

Умѣнье приспособить внѣшніе силы и обстоятельства дает европейскій характер постановкам г. Матинион.

Но при чем тут бисерный Шопен, хотя и в малой дозѣ, но все же проспанный на эстрадѣ. Почему не замѣнить этого неврастеника барабаном?!

Повтореніе одних и тѣх же фигур в танцѣ вещь совершенно недопустима; движеніе должно развиваться, а не выпадать обратно, как булка у человекъ внезапно скончавшагося за обѣдом. Refrain и в поэзіи и в музыкѣ окончательно испорчен модернистами, так что к употребленію пока не годится.

В сотрудинствѣ с г-ой Матинион послѣдніе мѣсяцы работал г-н Джорджіев, по свидѣтельству композитора Гартмана,—знаток восточнаго танца.

Как нельзя болѣе кстати приходится Джорджіев к школѣ Далькроза.

Если европейскій навѣк состоит в том чтобы приспособляться к внѣшнему, закруглять движеніе на парусах инерціи,—Горджіев дает вмѣсто разгона—толчок воли—рѣзкое прямое движеніе.

Метод Горджіева обогащает Далькроза ровно вдвое.

Прекрасно сретованны массивныя движенія учениц, одновременно скидывавших то руку, то ногу, идеальная бесодержательность этих движеній и прямызна, произвели на публику впечатлѣніе ошеломляющаго отдыха... Послѣ мало-кровных „босоножек“...

Один, два танца, впрочем, Горджіев мог бы уступить Тамарѣ Грузинской: имитация бабочекъ и еще что-то воинственное!.

Нам совершенно неважно знать, что Горджіев изучал священныя танцы востока! Это его дѣло!

Надо просто ходить на головѣ и по воздуху! Остальное прилагается.

Терентьев.